




ЮЛИЯ БРЮХАНОВА

Иркутский государственный университет

 ORCID 0000-0002-4675-9077

МОТИВ БОЛЕЗНИ В РОМАНЕ МИХАИЛА ШИШКИНА *ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА*

Внимание литературному термину «мотив» и алгоритму мотивного анализа уделяется во многих литературоведческих исследованиях (в работах Валерия Игоревича Тюпы и Елены Константиновны Ромодановской¹, Валентина Евгеньевича Хализева², Игоря Витальевича Силантьева³ и др.). Суммируя важнейшие тезисы современного научного дискурса, мы, опираясь прежде всего на характеристику Валентина Хализева, понимаем мотив как компонент произведений, обладающий семантической насыщенностью, отличающийся повторяемостью и функционирующий на разных уровнях: идейно-тематическом, сюжетном, повествовательном, пространственно-временном, персонажном и т. д.

Система мотивов в творчестве Михаила Шишкина – далеко не новый предмет изучения. Так, Светлана Николаевна Лапова в своем диссертационном исследовании *Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные страте-*

¹ В.И. Тюпа, Е.К. Ромодановская, *Словарь мотивов как научная проблема* // В. И. Тюпа (ред.), *Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы*, вып. 1: *От сюжета к мотиву*, Институт филологии СО РАН, Новосибирск 1996, с. 3–15.

² В.Е. Хализев, *Теория литературы*, Высшая школа, Москва 2004, с. 279–283.

³ И.В. Силантьев, *Мотив как проблема нарратологии* // «Критика и семиотика», 2002, Вып. 5, с. 32–60; И.В. Силантьев, *Поэтика мотива*, Языки славянской культуры, Москва 2004.

гии (Пермь, 2012)⁴ выделяет систему иерархически выстроенных мотивов в творчестве писателя. К первому уровню она относит повествовательные мотивы (рождения, болезни, смерти, вины, искупления, разлуки и т. п.), ко второму — концептуализирующие мотивы любви и слова, а к третьему — мотив воскрешения, замыкающий на себе первые два уровня. В общем виде эта концепция может быть принята при анализе творчества Михаила Шишкина, однако не все тезисы оказываются бесспорными. Так, например, Анна Скотницка уточняет, что мотив смерти у прозаика имеет не меньшую семантическую наполненность, чем мотив воскрешения. Трудно не согласиться с ее утверждением, что смерть является «стимулом к рефлексии и к поступкам»⁵ у героев романов Шишкина. Однако, безусловно, мотив реализуется только в системе, поэтому говорить о втором и третьем уровне мотивной структуры (с точки зрения Светланы Николаевны Лашовой) невозможно без рассмотрения всей целостности повествовательных мотивов. Этим продиктовано наше внимание к мотиву болезни в романе Михаила Шишкина *Взятие Измаила*, анализ которого станет одним из этапов на пути изучения всей системы мотивов в прозе писателя.

Рак желудка, венерические заболевания, желтуха, грудница, рахит, микромелия, чесотка — вот только самый приблизительный список болезней, упоминаемых в романе Шишкина *Взятие Измаила*. Болеют дети, болеют женщины, болеют мужчины. В художественном тексте болезнь может восприниматься как явление динамическое и одновременно как статичное. Это объясняется тем, что, с одной стороны, болезнь процессуальна, она протекает, в ходе болезни выделяются разные этапы (первые симптомы, ухудшение, осложнение, ремиссия и т. д.). У любой болезни есть начало и конец (выздоровление или смертельный исход). С другой стороны, болезнь может восприниматься как состояние, если речь идет о хронических заболеваниях или об

⁴ С.Н. Лашова, *Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии*, автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь 2012, http://www.psu.ru/files/docs/autoreferaty/2012/Lashova_22_03_12.pdf (23.06.2019).

⁵ А. Скотницка, *Мотив ребенка и семьи в прозе Михаила Шишкина. Постановка вопроса* // «Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения», Екатеринбург 2014, вып. 4, с. 78.

отклонениях от нормы в виду врожденных патологий или физических увечий. В этом случае болезнь становится частью существования не только больного, но и всех тех, кто с ним связан. Она влияет на поведение, на восприятие мира, на отношения между людьми. В романе Шишкина такое состояние болезни оказывается для многих героев испытанием, но испытанием не своей внутренней, нравственной прочности, а испытанием доверия или недоверия жизни.

На уровне системы персонажей мотив болезни во *Взятии Измаила* чаще всего связан с женщинами и детьми. Уже первая любовная связь, описываемая Александром Васильевичем в своем жизненном повествовании, имеет горький привкус болезни. Мучается Ольга Вениаминовна, любовница героя: «И болезнь тяжка зело, яко бытии ей близ смерти»⁶. Шишкин органично инкорпорирует в свой текст цитаты из памятника древнерусской литературы XVII века — *Повести о Савве Грудцыне*. Однако цитирование это вольное, так как в оригинальном тексте болен главный герой, он, а не она, да и другие цитаты, оказавшиеся в новом контексте, утрачивают свою изначальную семантическую заданность. Так, речи беса из *Повести о Савве Грудцыне*, переданные больной страдающей женщине в романе Шишкина, не имеют ни оттенка лукавства.

Стилистическая игра с контекстом древнерусской литературы дает немаловажное уточнение в характеристике мотива болезни, а именно: снимается восприятие болезни как мотивированной некой внешней силой. Мотив недуга в средневековой литературе связан с расплатой за грехи, но эта концепция не работает в художественном мире романа Шишкина. Иностранцем кажется и восприятие болезни как возможности проявиться силе разума человека и его научного потенциала, что было характерно для эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Мотив болезни у Шишкина не скрывает под собой никакой «идеологической» основы. Болезнь есть не что иное, как неотъемлемое свойство жизни. Она, как это ни парадоксально звучит, становится индикатором человеческой способности выстоять — или победить, уточняя «военную» метафору, вынесенную в название романа. Недаром один из главных героев — Александр Васильевич — является тезкой российского полководца, да и заглавие произведе-

⁶ М. Шишкин, *Взятие Измаила*, Вагриус, Москва 2006, с. 67.

дения недвусмысленно программирует читательское восприятие. Интересно, что Суворов в детстве был очень болезненным ребенком, поэтому его жизнь можно без труда рассматривать как метафору взятия неприступной крепости, реализовавшуюся в конкретном историческом событии.

С точки зрения связи с сюжетной организацией текста, лучше всего мотив болезни реализуется в сюжетной линии Александра Васильевича и его жены Екатерины. Повествование их семейной жизни, можно сказать, задается обозначенным мотивом. Краткая история семьи (или история болезни) такова: Александр Васильевич делает предложение Екатерине, которая в то время оканчивала медицинский курс. Перед самой свадьбой Александр Васильевич заражается венерической болезнью. Нескладывающиеся отношения внутри семьи ведут к конфликту. После изнасилования героем своей жены у них рождается девочка «совершенно морковного цвета от родовой желтухи»⁷. У Екатерины осложнения после родов, грудница. Со временем становится ясно, что у девочки врожденная патология развития. На фоне всех этих событий Екатерина пытается несколько раз покончить жизнь самоубийством, и в итоге Александр Васильевич оставляет ее в частной психиатрической клинике.

Женщины в романе *Взятие Измаила* вообще оказываются более уязвимыми для болезни, чем мужчины, и не только в физическом плане, но в моральном и психическом (недаром запараллелены сюжетные линии Екатерины и Светланы).

Функционально мотив болезни задает движение также в повествовании о Евгении Борисовиче Д. и его жене Марии Дмитриевне. В ночь перед их свадьбой Марию увозят в больницу с разболевшимся зубом, а позже, после некоторого времени совместной жизни, у нее случается выкидыш и становится ясно, что иметь детей она уже не сможет. Спустя много лет, когда Мария Дмитриевна со своим мужем живет на метеорологической станции среди самоедов, ей приходится ухаживать за больным Евгением Борисовичем:

Зимой Мария Дмитриевна возила его в город на операцию, и вот с тех пор он ходит с катетером, вставленным через дырочку в животе прямо в мочевой пузырь, и с бутылочкой в пришитом к штанам кармане, куда сте-

⁷ Там же, с. 282.

кает моча. Запах окутывает его, как облачко. Впрочем, у него и с головой не все в порядке⁸.

Роль мотива болезни в развитии сюжета очевидна. Однако целостную семантическую наполненность данного мотива можно выявить только при анализе его функционирования на разных уровнях. Кроме сюжетного, большое значение в раскрытии мотивной организации имеет идейно-тематический уровень и система персонажей. Уровень субъектной организации действующих лиц романа очевидно связывает мотив болезни с образом ребенка. Речь идет, прежде всего, о линии Александра Васильевича и его жены, чью жизнь коренным образом меняет рождение дочери с отклонением в развитии. Также следует упомянуть о Мотте и Марии Дмитриевне, чье существование (хотя бы на время) наполняет смыслом мальчик Сереженька, сын женщины-самоедки, случайно оказавшийся для них родным и близким. Забота о нем, в особенности когда у мальчика случился жар, сближает героев как никогда ранее. И, конечно, запоминается волнение героя-рассказчика за своего сына Олежку, который много и часто болел: «У детей температура подскакивает в одно мгновение — еще только что играл на ковре, вдруг хлоп на бок — почти 40 градусов»⁹.

Интересно, что тяжелое переживание болезни не столько в физическом, сколько в моральном плане характеризует именно взрослых персонажей. Что творится в голове у Анечки, остается за границами повествовательной структуры, однако то, что доступно читателю, исключает ее переживания по поводу своего недуга. Она его просто-напросто не осознает. И Олежка, как только падает температура, готов к игре и открытию нового, даже если он находится в больничной палате.

Взрослые люди, как правило, стремятся отстраниться от болезни, отвлечься от нее — им нужно успокоение (заснуть, забыть). Так, Александр Васильевич, навещавший в больнице Ольгу Вениаминовну, советует ей уснуть. Ребенок же выбирает другое средство: сын героя-рассказчика во время болезни начинает играть в больницу и усердно лечить мух, оживляя их в результате своих экспериментов. Но в то же время это не мешало проявляться приступам детской жестокости по отноше-

⁸ Там же, с. 202.

⁹ Там же, с. 234.

нию к другим насекомым. В юном сознании наиболее непосредственно проявляется амбивалентность жизни и смерти, что не утверждает никакого нравственно-оценочного тезиса, а являет собой естественное, неотрефлексированное восприятие жизни. Взрослый прячется от жизни, которой боится, и от смерти, которой боится еще больше. Болезнь воспринимается им, как правило, как пограничная ситуация (в терминологии философской концепции Карла Ясперса). В то время как для ребенка болезнь связана с тем, что происходит в жизни, а не с тем, что должно выйти за ее пределы. Она даже может быть защитной реакцией организма, своеобразным барьером между миром внешним и миром внутренним. Так, в детстве, как вспоминает Александр Васильевич, он узнал (ему так казалось) страшную тайну о том, что его мать не родная ему, и после этого у него случился жар и озноб. Внимание родителей к больному ребенку компенсировало его душевную травму хотя бы на какое-то время, поддерживая гармонию и привычный уклад жизни.

Если говорить о системе персонажей и проявлении в ней мотива болезни, то интересно, что во *Взятии Измаила*, учитывая высокую концентрацию упоминаний болезней на каждую страницу текста, очень маленькая роль отводится врачам. Они оказываются персонажами второстепенными, не запоминающимися и ни на что не влияющими. Единственным исключением является Соловьев, окончивший курс вместе с Катей — будущей женой Александра Васильевича. Однако он включается в эту сюжетную линию скорее не как врач, а как «соперник» и предатель. Именно он, нарушив клятву Гиппократата и раскрыв врачебную тайну, рассказывает Екатерине о «нехорошем» заболевании ее мужа. В остальных случаях, как правило, врачи остаются безымянными, с маловыразительными портретными характеристиками (если таковые имеются вообще).

К этому добавляется еще одна деталь: в романе *Взятие Измаила* (как, впрочем, и в других романах Михаила Шишкина) исход болезни не зависит напрямую от лечения (по крайней мере, в повествовании это не указано). Проводится лечение или нет, обращаются персонажи к квалифицированной медицинской помощи или к народным средствам — большого значения не имеет. Здесь срабатывают другие принципы. Человек, как правило, не может повлиять на ход болезни, но важно то, что он предпримет в этой ситуации, как он будет вести себя: и по отношению к себе,

и по отношению к другим людям. Именно в момент боли, жара, озноба болезнь концентрирует в себе жизненные силы, не столь, быть может, заметные в обычном течении будней.

Похожую функцию в романе выполняет и другой мотив — мотив рождения. Рождение ребенка, так же, как и болезненное состояние, — это пограничная ситуация. И то и другое ассоциируется со страданием и болью. Не случайно Франческа, жена героя-рассказчика, рождает в той же больнице, где провела год после аварии, в которой получила шестнадцать переломов: «Твой любимый человек умер сразу, в машине. Я потом только сообразил, что именно в этой больнице ты провела тогда год»¹⁰. Это именно больница, а не родильный дом. И все описываемое встраивается в контекст мотива болезни: «Тебе колют обезболивающее. Вставляют иглу в позвоночник»¹¹; «Так странно видеть, как разрезают и отворачивают зажимами кожу, которую целовал»¹²; «Смотрел, как прозрачная нитка стягивает ткани, как шланг отсасывает, урча, из раны кровь»¹³. Но акцент у Шишкина сделан не на физиологичности, не на теме боли и страдания, а на том, что и рождение ребенка, и преодоление болезни — это диалог с жизнью.

Утверждение болезни не как отклонения от жизненной нормы, а напротив, как безусловного (хоть и не желательного) ее атрибута, проявляется не только напрямую в развитии сюжета и в системе персонажей, но в том числе косвенно, через описание пространственно-временных координат.

Когда в день свадьбы Александра Васильевича с Екатериной мы видим даму «с базедовой болезнью, пришедшей по поводу неправильных счетов из кондитерской» и «тяжелые, ноябрьские облака, тоже будто больные базедкой»¹⁴, то в данном случае мы не можем говорить о психологизме, связанном с раскрытием внутреннего мира героя. Между пейзажной зарисовкой и портретной характеристикой нет причинно-следственных отношений, обуславливаются эти художественные элементы не последовательной, а параллельной связью: одно не предопределяет второе, но оба элемента восходят к общему мотиву болезни.

¹⁰ Там же, с. 419.

¹¹ Там же, с. 421.

¹² Там же, с. 423.

¹³ Там же, с. 424.

¹⁴ Там же, с. 264.

Описание времени также в некоторых эпизодах раскрывается в указанном мотивном ключе. Одна из героинь показала на одном из допросов, что «знала Д. давно, уже несколько комариных лет и гриппозных зим»¹⁵. Устойчивый оборот «сколько лет, сколько зим», выражающий эмоциональное восклицание о неожиданной и, как правило, приятной встрече, здесь трансформируется во фразу, где временной контекст тесно переплетается с пространственным обозначением (введенным за счет определений «комариный» и «гриппозный»), создавая целостную хронологическую структуру. Важно, что эта фраза не является метафорой большого времени, болезненных перемен; это выражение, задающее константную характеристику, безоценочную по отношению к историческим, социальным, культурным или иным условиям.

Мотив болезни как характеристика неизменного, константного хронотопа реализуется и в другом примере. В романе слово в слово повторяется описание гастролей Художественного театра, который давал *Чайку*:

По городу шла простуда, и в зале то здесь, то там без конца кашляли, чихали, сморкались. И Тригорин с самого первого действия чихал и сморкался, а к финалу и Дорн зачихал. [...] и даже когда занавес опустился, со сцены еще доносились приглушенные бархатом чихание и кашель¹⁶.

К какой сюжетной линии имеет отношение первое или второе упоминание данного фрагмента, не имеет значения. Весомость силы слова для Шишкина такова, что оно проявляет свою самоценность несмотря на «авторство»: будь то Чехов — Шишкин — Тригорин — Александр Васильевич — или кто-то еще. Важно то, что это слово зафиксировано в письменной речи, которая, по Шишкину, не может быть присвоена конкретному субъекту (что, в частности, является одним из аргументов у исследователей, относящих тексты Шишкина к постмодернистскому направлению, но, как отмечает Марина Петровна Абашева, Шишкин «принадлежит постмодернизму не идеологически, а стилистически»¹⁷).

¹⁵ Там же, с. 160.

¹⁶ Там же, с. 249, с. 323.

¹⁷ М. Абашева, *Функция первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина* // А. Скотница, Я. Свежи (ред.), *Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин*, Scriptum, Краков 2017, с. 120.

Слово для Шишкина — это более чем просто материал или средство выражения мысли. Оно делает невидимое видимым, забытое осязаемым, исчезнувшее действительным. Воскрешение в слове реальнее всего остального в мире. Слово соединяет несоединимое: «Покойный родился...»¹⁸, — и возникает новый цикл бытия. Поэтому окончательное осознание своей болезни случается у многих персонажей только после того, как ей находят точное слово — ставят диагноз и закрепляют его на бумаге. В романе читаем:

То, чего боялась, в чем в последнее время не сомневалась, с чем смирилась и в чем даже пыталась найти какую-то необъяснимую горькую сладость, превратилось вдруг из ночных страхов в названную реальность. Одно слово — и невидимое стало осязаемым, страшное и принадлежащее только себе — рядовым случаем, еще одной галочкой в медицинской статистике¹⁹.

Примечательно, что ни Александр Васильевич, ни его жена не признавались ни себе, ни друг другу в болезни дочери, пока посторонний врач не озвучил «приговор». Любое слово у Шишкина перформативно, так как оно казнит и милует, является началом и концом:

ведь и мертвый еще не мертв, пока его смерть не подтвердит врач своим заключением, и будет считаться живущим среди живых, пусть и с мозгом наружу, до самой последней точки, поставленной привыкшим ко всему уездным доктором в конце медицинского освидетельствования²⁰.

Слово уравнивает всех, можно даже сказать, обезличивает. И это ясно демонстрируют статистические данные, юридические документы, медицинские справки и т.п. Правовую и врачебную сферу, широко представленную в романе *Взятие Измаила*, объединяет не требуемое вмешательство в жизнь человека, то есть не действие, а вынесение приговора/постановка диагноза, то есть произнесенное слово. Ни врачу, ни слушателям в зале судебного заседания не важны частности, ведь важно не то, о чем сказано, а то, как сказано. Поэтому и болезни в романе не индивидуальны: одинаково болеют Анечка и Олежка, от рака умира-

¹⁸ М. Шишкин, *Взятие Измаила...*, с. 20.

¹⁹ Там же, с. 80.

²⁰ Там же, с. 67.

ет Ольга Вениаминовна и мать рассказчика, в психиатрическую больницу попадает Екатерина и Светлана.

В то же время слово является тем единственным средством, которое дает возможность избежать забвения. Оно примиряет людей, словом все держатся, даже если это чужое слово. Поэтому так важно его обрести, познать его законы, зафиксировать свою жизнь в слове. Однако это не дается просто так: написать свою жизнь не легче, чем прожить ее. Сопротивление словесной материи отражается в том числе в семантике болезни. Александр Васильевич отмечает: «Сел писать свое прохождение жизни, но попало какое-то перо-заика»²¹. Дисфункция письменной речи героя перекладывается на инструмент писания — перо.

Заикание — это нарушение речи. Различные отклонения от нормы, связанные с поведением или внешним видом человека и описанные в романе *Взятие Измаила*, тоже можно включить в рассматриваемый мотив, учитывая многозначность самого слова «болезнь». Болезнь, боль, отклонение от нормы — всё это стоит в одном ряду и, с точки зрения художественности, равнозначно в своей натуралистичности. Однако натурализм в описании следственных экспериментов, выкидышей, историй о ядах и противоядиях, об уловках цирковых артистов, глотающих шпаги или лягушек, о заболеваниях в самоедских деревнях имеет не реалистическую основу, т.е. не просто отсылку к конкретной действительности, а основу метатекстового уровня — слово, свое, чужое, ничье. Важна не его принадлежность, а то, что оно фиксирует все и придает смысл и красоту жизни.

Слово непреложно в своем существовании. В отличие от тела. «Смерти ведь — и дурак знает — нет, но есть разложение тканей»²², — сказано в романе. И слово на протяжении всего повествования не дает совершиться разложению тел, жизнью, надежд. Словом воскреснем — центральная метафора следующего романа Михаила Шишкина *Венерин волос*, заданная уже в эпиграфе («Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем», откровение Варуха, сына Нерии. 4, XLII). Но пока во *Взятии Измаила* доминирует не идея воскрешения, а идея преодоления жизни, о чем будет сказано в одном из интервью писателя. Уточняя, о чем его роман, Шишкин говорил:

²¹ Там же, с. 18.

²² Там же, с. 197.

О преодолении жизни — собиранием «коллекции» и рождением детей. Больше ее ничем не возьмешь. Собрание слов в книгу, как и рождение ребенка, не спасает от трупных пятен, но приносит радость. В конце концов эта радость от слов и сына и делает жизнесмерть прекрасной²³.

Слово «жизнесмерть» наиболее точно отражает и амбивалентную сущность жизни, и постоянное ощущение пограничья. Болезнь часто оказывается неизлечимой для персонажей романа *Взятие Измаила*. Тем ярче становятся повествовательные мотивы борьбы и преодоления. Но уже в этом произведении в большей или меньшей степени концептуализируются стержневые, на наш взгляд, мотивы всего творчества Михаила Шишкина: жизни, смерти, любви и слова. Поэтому важно, что Александр Васильевич в романе приходит к пониманию того, что бороться с болезнью дочери не просто не получится — этого не нужно делать. Требуется не борьба, а забота: «лучшее лечение для Анечки — просто любовь»²⁴. Любовь, даже среди болезней и ужаса, красота, даже среди грязи и кошмара, — вот главные открытия романа *Взятие Измаила*, которые станут основой для последующих произведений.

Таким образом, мотив болезни обретает эстетически значимый смысл не только на различных уровнях исследуемого романа (сюжетном, пространственно-временном, идейно-тематическом), но и в контексте всего творчества Михаила Шишкина, поскольку включается в сложную систему мотивных связей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abasheva, Marina. "Funkciya pervichnykh rechevykh zhanrov v proze Mikhaila Shishkina." *Znakovyye imena sovremennoj russkoj literatury. Mikhail Shishkin*. Ed. Skotnicka, Anna, Świeży, Janusz. Kraków: Scriptum, 2017 [Абашева, Марина. "Функция первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина." *Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин*. Ред. Скотницка, Анна, Свежи, Януш. Краков: Scriptum, 2017].
- Khalizev, Valentin. *Teoriya literatury*. Moskva: Vysshaya shkola, 2004 [Хализев, Валентин. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа, 2004].
- Lashova, Svetlana. *Poetika Mikhaila Shishkina: sistema motivov i povestvovatel'nye strategii*. Perm': Пермский государственный национальный исследователь-

²³ М. Шишкин, *Тот, кто взял Измаил [интервью Николаю Александрову]*, «Итоги» 2000, № 42, <http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html> (23.06.2019).

²⁴ М. Шишкин, *Взятие Измаила...*, с. 310.

МОТИВ БОЛЕЗНИ...

- ский университет, 2012. 23 June 2019. <http://www.psu.ru/files/docs/autoreferaty/2012/Lashova_22_03_12.pdf> [Лашова, Светлана. *Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии*. Пермь 2012. 23.06.2019. <http://www.psu.ru/files/docs/autoreferaty/2012/Lashova_22_03_12.pdf>].
- Silant'ev, Igor'. "Motiv kak problema narratologii." *Kritika i semiotika* 2002, no. 5 [Силантьев, Игорь. "Мотив как проблема нарратологии". *Критика и семиотика* 2002, no. 5].
- Silant'ev, Igor'. *Poetika motiva*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004 [Силантьев, Игорь. *Поэтика мотива*. Москва: Языки славянской культуры, 2004].
- Skotnicka, Anna. "Motiv rebenka i sem'i v proze Mikhaila Shishkina. Postanovka voprosa." *Ural'skij filologicheskij vestnik. Ser. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya* 2014, no. 4 [Скотница, Анна. "Мотив ребенка и семьи в прозе Михаила Шишкина. Постановка вопроса." *Уральский филологический вестник. Сер. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения* 2014, no. 4].
- Shishkin, Mikhail. "Tot, kto vzyal Izmail (interv'y u Nikolaju Aleksandrovu)." *Itogi* 2000, no. 42. 23 June 2019. <<http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html>> [Шишкин, Михаил. "Тот, кто взял Измаил (интервью Николаю Александрову)". *Итоги* 2000, no. 42. 23.06.2019. <<http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html>>].
- Shishkin, Mikhail. *Vzyatie Izmaila*. Moskva: Vagrius, 2006 [Шишкин, Михаил. *Взятие Измаила*. Москва: Вагриус, 2006].
- Tyupa, Valeriy, Romodanovskaya, Yelena. "Slovar' motivov kak nauchnaya problema." *Materialy k Slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury, 1. Ot syuzheta k motivu*. Ed. Tyupa Valeriy. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 1996 [Тюпа, Валерий, Ромодановская, Елена. "Словарь мотивов как научная проблема." *Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы*. Вып. 1: *От сюжета к мотиву*. Ред. Тюпа Валерий. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996].

Julia Briuchanowa

МОТИВ ХОРОБЫ В ПОВЕЩАХ

ZDOBYCIE TWIERDZY IZMAIL MICHAŁA SZYSZKINA

Streszczenie

Powieści Michała Szyszkińa zawierają złożony system motywów artystycznych. Jednym z najbardziej rzucających się w oczy jest motyw choroby. Artykuł poświęcony jest analizie tego właśnie motywu w powieści *Zdobycie twierdzy Izmail*. Pojawia się on na różnych piętach struktury tekstu: fabuły (choroba jako przyczyna działań bohatera, jako motor fabuły), postaci (prawie wszyscy bohaterowie powieści wiele cierpią), chronotopu (powtarzalność i „zamienialność” czasu i przestrzeni również dotyczy motywu choroby). Ponadto motyw ten odnosi się do kompleksu motywów związanych z życiem i śmiercią, co pozwala mówić o stopniowym rozwoju koncepcji artystycznej Michała Szyszkińa od *Zdobycia twierdzy Izmail* do następnych powieści.

Yulia Bryukhanova

THE MOTIVE OF THE DISEASE
IN THE NOVEL *THE TAKING OF IZMAIL* BY MIKHAIL SHISHKIN

Summary

Mikhail Shishkin's novels form a complex system of artistic motives. One of the most obvious is the motive of the disease. This paper is dedicated to the analysis of this motive in the novel *The Taking of Izmail*. The narrative motive of the disease is manifested at different levels of the text structure: the plot (illness as the cause of character's action and, respectively, as the "engine" of the plot), the character (almost all heroes of the novel suffer a lot), the chronotope (repeatability and "interchangeability" of time and space is concerned with the motive of the disease). In addition, the motive of the disease is incorporated in the complex of motives associated with life and death. It allows us to talk about the gradual development of the artistic concept of Mikhail Shishkin from *The Taking of Izmail* to the subsequent novels.